

Глава 15. Послушание

Тёмная тюрьма, представшая перед взором Цянь Яо, не имела ничего общего с темницами, что он привык видеть в кино. Здесь не было ни окон, ни железных решеток, ни даже видимых узников — лишь беспросветный мрак и давящие стены невероятной, пугающей толщины.

Камень стен казался древним, потемневшим от времени, но местами на нем алели свежие потеки крови и виднелись хаотичные отпечатки ладоней. Юноша не смел даже представить, какой ценой были оставлены эти следы. Он поспешно отвел взгляд и последовал дальше за процессией.

Узкие проходы едва позволяли двоим идти плечом к плечу. Света не было — дорогу освещали лишь фонари в руках стражников. Из-за отсутствия вентиляции воздух в помещении казался густым и спертым; он был пропитан неистребимым, тошнотворным запахом крови. Цянь Яо пытался прикрывать нос рукавом, но это не помогало — смрад, казалось, впивался в самую кожу. Ему оставалось лишь дышать как можно реже, подавляя позывы к рвоте.

Тоннель вел всё глубже под землю, извиваясь причудливым лабиринтом, которому не было конца. Воздух становился всё более разреженным, и вскоре юноша почувствовал, что начинает задыхаться.

Он решительно не понимал, зачем «собачьему императору» понадобилось приходить сюда среди ночи, да еще и брать его с собой. Но послушаться приказа Цянь Яо не смел и, стиснув зубы, продолжал идти во тьме.

Внезапно где-то у самых его ног раздался глухой лягз.

Юноша едва не подпрыгнул от неожиданности. Опустив взгляд, он заметил у самого пола крошечное железное оконце, едва достигавшее ему до щиколоток. За решеткой клубилась непроглядная тьма, в которой угадывалось какое-то шевеление. Колени бедняги подогнулись, и ему пришлось опереться о холодную стену, чтобы не рухнуть.

Не успел он прийти в себя, как из этого оконца высунулась тонкая, черная, похожая на обгорелую ветку палка. Она дергалась, пытаясь что-то нацарапать на камне пола. Но расстояние, на которое «палка» могла высунуться, было слишком малым, и узнику удавалось оставить лишь короткий, неровный штрих.

«Что это за существо?»

Прежде чем Цянь Яо успел осознать увиденное, шедший следом стражник в черном выступил вперед. Молниеносным движением он обнажил меч, и «ветка» была отсечена. Она с глухим стуком покатилась по полу, задев носок сапога юноши и оставив за собой дорожку из багровых капель.

В следующий миг из-за стены донесся звук, который Цянь Яо запомнил на всю оставшуюся жизнь. Это был вопль нечеловеческой муки, но беззвучный — точно у несчастного вырвали язык. Из горла вырывалось лишь сиплое, клокочущее хрипение. Это не был голос человека; скорее, это напоминало предсмертный стон загнанного зверя.

Только в этот момент до юноши дошло: то, что он принял за черную палку, было пальцем. А в крошечных норах за стенами, не достигавших и полуметра в высоту, были заживо замурованы люди.

Он окинул взглядом коридор и содрогнулся: стены по обе стороны были усеяны такими же железными оконцами. Даже со светом фонарей мрак внутри был абсолютным. Цянь Яо боялся даже представить, в каких условиях томились эти узники.

— Гунгун, почему вы остановились?

Стражник, только что лишивший человека пальца, уже убрал клинок и спокойно поднял фонарь, освещая путь. Заметив оцепенение юноши, он негромко поторопил его.

Цянь Яо попытался сделать шаг, но ноги сделались ватными и отказывались повиноваться. Ци Ань, шедший впереди, казалось, даже не заметил этой маленькой расправы. Он продолжал двигаться вглубь тюрьмы и уже успел отойти на приличное расстояние.

Юноша до смерти боялся, что государь разгневется на его медлительность и в наказание бросит в этом аду. Но отсеченный палец, истощенный до неузнаваемости, всё еще лежал на его пути, точно непреодолимая преграда. Страх сковал тело. Мысль о том, что в этих стенах заживо гниют сотни несчастных, лишала последних сил.

В итоге стражнику с фонарем пришлось подхватить его под локоть, чтобы он смог продолжить путь.

Спустя вечность тоннель наконец закончился, и они вышли в просторный зал. Цянь Яо поднял глаза: это место уже больше походило на пыточные камеры из кино. Обширное пространство казалось тесным из-за обилия разнообразных инструментов для истязаний. Все они имели причудливые формы, но объединяло их одно — наслоения запекшейся и совсем свежей крови.

Внезапно раздался тяжелый всплеск воды.

Цянь Яо обернулся на звук и заметил в углу небольшой бассейн. Вода в нем была настолько мутной и темной, что юноша не сразу разглядел человека, которого стражи как раз поднимали на веревках. Впрочем, назвать это «человеком» было трудно.

У существа не было конечностей. Его одежда превратилась в жалкие лохмотья, а всё тело представляло собой сплошную массу шрамов и язв. Лицо так сильно опухло, что черты его

стерлись, превратив голову в бесформенный ком. Несчастливого, связанного подобно мясному тюку, долго держали под водой; он не подавал признаков жизни, и если бы не шум поднимаемых цепей, Цянь Яо никогда бы не догадался, что в бассейне кто-то есть.

То ли от нехватки кислорода, то ли от невыносимого запаха крови в животе у юноши всё скрутило. Он судорожно сжал подол своего платья, пытаясь унять неконтролируемую дрожь в руках.

«Боже, как это ужасно...»

Цянь Яо впервые по-настоящему понял, почему слуги во дворце не смеют поднимать глаз. В эту минуту он сам готов был зарыться головой в землю, лишь бы не видеть происходящего. В его прошлой, мирной жизни самым кровавым зрелищем был забой свиньи. Он никогда не видел даже уличной драки, не говоря уже о подобном изуверстве. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, грудная клетка вот-вот лопнет. В ушах звенело, заглушая все прочие звуки.

И всё же он отчетливо слышал голос императора.

— Мертв?

— Жив, Ваше Величество, — отозвался кто-то из палачей.

— М-м.

Несмотря на краткость ответа, подчиненные, казалось, точно знали, что делать дальше. Цянь Яо услышал, как обрубок тела с глухим звуком швырнули на камни пола. Несчастный даже пытался что-то говорить, но рот его был полон крови, и слова тонули в булькающих звуках.

— Ош... ибся... я... каюсь...

Он не успел договорить — раздалось злое шкворчание.

Прежде чем Цянь Яо понял, что это за звук, в воздухе поплыл запах горелой плоти. А затем зал огласил крик, по сравнению с которым беззвучный вопль узника в коридоре показался пустяком. Это был звук, подобный скрежету железа по камню; в нем слышалась такая запредельная боль, что у юноши потемнело в глазах.

Мозг отказывался осознавать действительность, пока Цянь Яо не поднял взгляд. Один из палачей неспешно поливал «мясной ком» кипящим маслом из ковша.

Шкворчание не прекращалось, кожа и плоть несчастного корчились, над телом поднялся

сизый парок. Юноше показалось, что он чувствует запах вареного мяса. Этот смрад, несмотря на все усилия не дышать, проникал в легкие, оседал в горле и, казалось, пропитывал все внутренности.

Желудок Цянь Яо не выдержал. Его вывернуло наизнанку. Не в силах больше стоять, он рухнул на колени, содрогаясь в конвульсиях рвоты. Поскольку он почти ничего не ел с вечера, наружу выходила лишь горькая желчь, но спазмы не прекращались. Руки, упертые в грязный пол, ходили ходуном; казалось, еще миг — и он упадет лицом в собственные нечистоты. Юноша хотел отползти в сторону, но мышцы превратились в бесполезные тряпки.

Да, в день своего перемещения он видел горы трупов, но те люди уже были мертвы. Тогда он испытывал лишь суеверный страх перед смертью. Здесь же перед ним было медленное, осознанное уничтожение живого существа, которое, даже превратившись в кусок обугленного мяса, продолжало копошиться на полу.

Цянь Яо, никогда в жизни не обидевший и кошки, не мог вынести этой жестокости. Только сейчас он до конца осознал, в какой мир попал и насколько он отличается от его родины. И насколько безраздельна власть человека, стоящего в нескольких шагах от него.

Он понимал, как жалко и недостойно выглядит. Он — личный слуга императора, он не имеет права на подобную слабость. Но тело не слушалось разума. Из глаз текли слезы, зрение затуманилось, и лишь спустя какое-то время юноша заметил перед собой пару сапог.

Черно-красный шелк, вышитые золотом облака и драконы. Только один человек в этом мире мог носить такую обувь.

Оцепенение сменилось ледяным ужасом. Почему его привели сюда? Чтобы предостеречь? Или чтобы оставить здесь навсегда? Что он сделал не так?

Цянь Яо не знал, в чем провинился прежде, но отчетливо понимал свою вину сейчас. Он опозорил императора. Слуга при государе — это его лицо, а он сейчас стоял на коленях, задыхаясь от рвоты. В панике юноша попытался коснуться лбом пола, забыв, что прямо перед ним — лужа желчи.

Но прежде чем он успел склониться, холодные пальцы жестко обхватили его подбородок, заставляя замереть.

Эта рука была ледяной. Цянь Яо не раз грел её в своих ладонях по ночам и хорошо знал это ощущение — холод, подобный вечному льду на поверхности замерзшего озера. Теперь эти пальцы впились в его челюсть, и мороз от них мгновенно сковал всё тело.

Юноша, точно безвольная марионетка, поднял голову и встретился взглядом с разноцветными глазами императора. Взор Ци Аня был равнодушным, словно он смотрел не на человека, а на неодушевленный предмет.

— Знаешь, почему он оказался в таком положении? — негромко спросил государь.

Он поднял левую руку, и кто-то из свиты тут же подал ему белоснежный мягкий платок. Император принял его и с почти нежной заботливостью вытер нечистоты с губ Цянь Яо.

Юноша замер, боясь пошевелиться. В этот миг он чувствовал себя фарфоровой статуэткой, с которой хозяин стирает досадную пыль.

— М-м? — Ци Ань недовольно приподнял бровь, не дождавшись ответа.

Цянь Яо хотел заговорить, но рот словно онемел. Лишь спустя долгую секунду он смог выдать из себя звук. Голос его был сухим и надтреснутым, точно струна старой цитры.

— Не... не знаю.

— Потому что он был непослушным, — произнес молодой император, отбрасывая испачканный платок.

Он на мгновение опустил взгляд на скорчившегося на полу пленника, а затем снова посмотрел в глаза юноше.

— А ты?

Император разжал пальцы, отпуская его подбородок, но Цянь Яо так и застыл с поднятой головой, не в силах пошевелиться.

Губы Ци Аня тронула едва заметная улыбка.

— Ты — послушный?

<http://bllate.org/book/15347/1416928>